

Земляная Анна Сергеевна

ОБРАЗ РАССКАЗЧИКА КАК ИСТОЧНИК ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ В РОМАНАХ ДЖЕЙН ОСТИН

В рамках художественного текста Дж. Остин основным источником реализации оценки предстает образ рассказчика. Остиновский рассказчик потенциально, а в некоторых случаях и явно, идентифицируется как центр иррадиации оценочных смыслов, однако, оценки рассказчика сами по себе не предстают для читателя надежной основой для центростремительной интерпретации разворачиваемых событий. Рассказчик, соответственно, явно или косвенно выражает собственный оценочный взгляд на виртуальный мир повествования, отражает систему ценностей того социокультурного сообщества, к которому принадлежит, фокусирует внимание читателя на текстовом пространстве, вступая с ним в коммуникативные взаимоотношения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 82-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.135.1

Филологические науки

В рамках художественного текста Дж. Остин основным источником реализации оценки предстает образ рассказчика. Остиновский рассказчик потенциально, а в некоторых случаях и явно, идентифицируется как центр иррадиации оценочных смыслов, однако, оценки рассказчика сами по себе не предстают для читателя надежной основой для центрированной интерпретации разворачиваемых событий. Рассказчик, соответственно, явно или косвенно выражает собственный оценочный взгляд на виртуальный мир повествования, отражает систему ценностей того социокультурного сообщества, к которому принадлежит, фокусирует внимание читателя на текстовом пространстве, вступая с ним в коммуникативные взаимоотношения.

Ключевые слова и фразы: художественные тексты Джейн Остин; образ рассказчика; образ автора; оценка; читательская интерпретация текста.

Земляная Анна Сергеевна*Южный федеральный университет**annzem@yandex.ru***ОБРАЗ РАССКАЗЧИКА КАК ИСТОЧНИК ОЦЕНОЧНЫХ
СУЖДЕНИЙ В РОМАНАХ ДЖЕЙН ОСТИН[©]**

В качестве специфики художественных текстов Джейн Остин исследователи проблем языка и стиля отмечают присущую им особую повествовательную технику, которая не всегда оказывается «уловимой» в аспекте как консервативного определения, так и радикальной интерпретации [2; 6; 7]. Джейн Остин – электический мастер художественного отражения мысли и речи, характеризующегося особыми повествовательными формами. Автор активно задействует прямую и косвенную форму выражения мысли и речи, специфически комбинируя для этого разнообразные речевые акты. Прагматическая природа подобной презентации выявляет тот факт, что границы между разнообразными повествовательными техниками, которые задействует автор, не всегда являются отчетливыми. Особую трудность для читателя представляет собой, в частности, авторская презентация несобственно-прямой речи: отсутствие каких-либо ее явных сигналов, однозначная ее принадлежность рассказчику или персонажу.

Рассказчик в остиновском романном повествовании, как правило, не проявляет свое явное присутствие (он выступает то как проницательный комментатор современного викторианского стиля жизни, то как беспристрастный наблюдатель будущей эпохи модернизма), в чем, как представляется, заключается одна из многообразных форм авторской игры с воображаемым читателем. Вместе с тем, голос автора постоянно дает о себе знать в повествовании, за исключением тех случаев, когда «посредством своего непревзойденного творческого чувства Дж. Остин «емягчает» читателю обратный переход из собственного повествовательного рая в серую ежедневную жизнь своих персонажей, снова давая возможность местоимению *I* всматриваться в фантазмагорию повседневности...» [13, р. 248].

В результате, романы Дж. Остин порождают у читателей диаметрально противоположные интерпретации, которые одновременно «поддерживаются» текстом и, следовательно, имеют право на существование. Это, собственно говоря, предстает яркой особенностью большой литературы, показателем литературного величия художественного текста [3, с. 43; 4, с. 83; 5, с. 12]. Моделируя художественную ткань текста, творческая личность автора проявляет себя то как подразумеваемый автор, то как реальная Джейн Остин, таким образом, устанавливая коммуникативный контакт с читателем, объединяясь с ним в едином акте сотворчества.

В подобной повествовательной технике усматривается отражение авторского определенного взгляда на объективный мир, патриархальные ценности современного общества. В частности, роман «Мэнсфилд-парк» определяется как «лакмусовая бумага» воззрений автора на чрезмерную чувствительность представительниц британского слабого пола, авторская евангелическая мольба в адрес благородной старшей Англии, открытый манифест против моральной и социальной строгости, которой характеризовалось время Д. Остин [9, р. 107]. При этом сам рассказчик отражает авторскую оценку действительности в большей степени, чем любой из отдельно взятых персонажей.

Порождение художественного повествования сравнивается с инициацией определенной власти над читателем [15, р. 3]. В связи с этим читатель вынужден выражать доверие оценкам и суждениям рассказчика. Персонаж-рассказчик, ведущий повествование от первого лица, потенциально направляет читательские реакции в требуемом автором коммуникативном русле, наделяется автором большей авторитарной властью, чем какой-либо другой персонаж, и может быть ассоциирован в той или иной степени с образом автора текста [1, с. 15]. Персонаж-рассказчик, надевая маску безликости и не участвуя в основном действии, также приобретает некоторую авторитарность, хотя обнаруживает себя исключительно в рамках собственных виртуальных миров. Читатели воспринимают такой тип рассказчика как вездесущий «голос за кадром», не подвергают сомнениям ту информацию, которую этот голос излагает. В художественном тексте наиболее явными случаями выражения оценки предстают такие фрагменты, в которых рассказчик иницирует категоричные суждения, соответствующие таким аксиологическим осям повествования, как «хорошо-плохо»,

«важно-неважно», или размышляет о потенциальной возможности развития последующих событий (в прозе Дж. Остин рассказчик наделен всеми указанными функциями).

Все художественные тексты Дж. Остин разворачиваются персонажами-рассказчиками от третьего лица, что предполагает читательскую непоколебимую веру в то, о чем повествуется. Этот тип остиновского рассказчика фактически не участвует в сюжетных действиях и лишь в отдельных случаях выходит на повествовательную сцену, чтобы открыто выразить себя от первого лица. При этом оценочные комментарии рассказчика оказывают решающее влияние на читательскую интерпретацию романного повествования, чему иногда препятствует тот факт, что сам рассказчик ослабляет свою вездесущность и авторитарность, оставляя читателя наперулье конфликтующих интерпретаций.

В рамках художественного текста оценка тех или иных событий или персонажей не всегда оказывается «привязанной» к определенным языковым средствам выражения или маркированной некоторыми речевыми или металингвистическими сигналами. В некоторых случаях текстуальная (дискурсивная) оценка может не репрезентироваться посредством шкалы «хорошо-плохо», «важно-неважно» (хотя обе аксиологические оси являются чрезвычайно важными для текста). В текущей лингвистической литературе выявляется следующая функциональная нагрузка оценки в художественном тексте: 1) экспрессивная функция, выражающая мнение автора и отражающая его систему ценностей как представителя определенного социокультурного сообщества; 2) межличностная функция, конструирующая и поддерживающая коммуникативный контакт между автором и читателем; 3) текстуальная функция, организующая авторский дискурс.

Оценка выражается менее явно, когда некоторое событие или персонаж образно сравнивается с другим событием или персонажем посредством модального выражения, прагматическая функция которого заключается в том, чтобы подчеркнуть вероятность, желательность подобного события или участия в нем персонажа (*must* (должен), *certainly* (конечно же), *luckily* (к счастью)). Оценка может быть также скрыта в авторском выборе лексических единиц, сочетаний или каких-либо контекстуальных элементов. В качестве иллюстрации данного способа выражения оценки может служить начало романа «Нортенгерское аббатство», в котором оценочный контур повествования рассказчика оказывается более заметным, если читателю удастся идентифицировать интертекстуальные связи указанного фрагмента с готическим жанром. Ср.: «*No one who had ever seen Catherine Morland in her infancy, would have supposed her born to be an heroine. Her situation in life, the character of her father and mother, her own person and disposition, were all equally against her. Her father was a clergyman, without being neglected, or poor and a very respectable man, though his name was Richard – and he had never been handsome... Her mother was a woman of useful plain sense, with a good temper, and, what is more remarkable, with a good constitution. She had three sons before Catherine was born, and instead of dying in bringing the latter to the world, as any body might expect, she still lived on...*» [8, p. 10]. / «Никто, кто когда-либо видел Катрин Морлан в младенчестве, не полагал, что она рождена для того, чтобы быть героиней. Ее жизненная ситуация, характер ее отца и матери, ее собственная личность и мироощущение в равной степени действовали против нее. Ее отец был священником, которого никто не сторонился; он не был беден и его очень даже все уважали вокруг, хотя звали его Ричард и он не отличался мужской красотой... Ее мать была женщиной полезного здравого смысла, хорошего нрава и, что более замечательно, хорошо сложенной. До того, как родилась Катрин, у нее уже было трое сыновей, и вместо того, чтобы умереть, даровав дочку миру, как кто-либо мог полагать, она все еще жила...» (перевод автора – А. З.).

Лингвисты, занимающиеся проблемами выражения оценки в художественном тексте, избирают в текущих изысканиях многоаспектный целостный подход. В частности Дж. Томпсон и С. Ханстон исходят из той теоретической позиции, что в рамках художественного текста оценка тех или иных событий и персонажей комплексно выражается автором посредством элементов, принадлежащих лексическому, грамматическому и собственно текстуальному уровням. Однако данные исследователи одновременно утверждают, что изолированное рассмотрение специфических оценочных элементов исключительно на одном из указанных уровней, в отрыве от средств, принадлежащих другим уровням, представляет собой бесполезную задачу [14, p. 22]. Другими словами, разноуровневые средства выражения оценки действуют в художественном тексте в комплексе, соотносясь с какой-либо общей концептуальной сущностью.

Типология оценки представлена исследователями следующими разновидностями:

– компаративная оценка, предполагающая сравнение предметов на основе общего критерия посредством прилагательных и наречий соответствующей семантики (*just* (только что), *only* (только), *at least* (по крайней мере)), средств отрицания (*un-* и другие аффиксы), грамматических (*not* (нет), *neve* (никогда), *hardly* (едва)) и лексических средств (*fail* (не оправдать), *lack* (не обладать));

– субъективная оценка, выражаемая специализированными модальными маркерами субъективности, передающими уверенность / неуверенность, существительными, прилагательными и наречиями разнообразной семантики, атрибутивными синтагматическими структурами;

– аксиологическая оценка, выражаемая специализированными оценочными маркерами, которые подразделяются на две группы: 1) лексические единицы, которые задействуются в соответствующем контексте; 2) индикаторы цели и способов ее достижения («то, что хорошо» может быть представлено как то, что способствует достижению цели; «то, что плохо» – как то, что препятствует достижению цели).

Первые два типа оценки манифестируются, как правило, грамматическим уровнем текста, а последний тип оценки более последовательно проявляется на лексическом текстуальном уровне [Ibidem, p. 23].

Как представляется, трудности читательской интерпретации художественного текста Дж. Остин могут быть представлены в исследовательском плане через проблему выявления оценочных моделей в повествовании.

Указанная проблема, в свою очередь, предстает следствием такими имманентными качествами оценки, как всеохватывающий характер (проникновение во все участки текста) и одновременная неуловимость. В процессе постижения сути остиновского текста читатель сталкивается с «полупрозрачностью» оценочности, которая является определенной коммуникативной стратегией автора. В процессе моделирования оценки Дж. Остин ослабляет авторитарность источников ее инициации.

Некоторые литературные критики, не вдаваясь в детали лингвистического анализа ослабленной авторитарности оценки в прозе Дж. Остин, поднимают проблему нетипичности ее текстов. В частности, Р. Ф. Паттесон пишет о «множественности нарративного голоса», вынуждающей читателя осуществлять постоянный поиск источника этого голоса, который может принадлежать не только персонажу [12, р. 465]. Т. Г. Вэллис, анализируя романы, написанные Дж. Остин в 1805-1817 гг., приходит к заключению, что в ее прозе обнаруживаются своеобразные шаги, посредством которых рассказчики «отрешаются» от своей вездесущности, частично исчезая из разворачиваемого повествования [16]. Д. А. Миллер выявляет конфликт между финальным фрагментом романа и общей повествовательной динамикой текста, которые фактически «не поддерживают» друг друга [10].

Б. Дж. Пэрис, придерживаясь абсолютно иной точки зрения, полагает, что «... поскольку повествовательные структуры могут в абстрактном отношении репрезентировать перспективу выражения моральных ценностей... Реалистическая характеристика повествования в прозе Дж. Остин не всегда гармонирует с темой текста и его формой» [11, р. 20]. Например, в романе «Мэнсфилд-парк» истинный характер Фани расшатывает авторскую идею сделать ее героиней консервативного евангелического романа. По этому поводу исследователь указывает, что «... не все читатели разделяют надежды и страхи Фани или восхищаются ее характером и жизненными ценностями, как это должно было бы быть в силу комической направленности романа и задействованных для этого риторических эффектов... Фани представляет собой детально продуманный персонаж, человеческие качества которого оказываются несовместимыми с его эстетической и тематической ролью...» [Ibidem, р. 22].

Думается, что можно отметить два различных, но непосредственно соотносящихся источника оценочной нетипичности в прозе Дж. Остин:

1) рассказчик в текстах анализируемого нами автора проявляет тенденцию к ослаблению своей авторитарности, вступая в противоречие с самим собой, показывая неосведомленность об определенных фактах, событиях, мыслях персонажей, о которых повествуется в тексте;

2) роман, как особый литературный жанр, обладает имманентным многоголосием, в рамках которого голос рассказчика является лишь одним из многих голосов, которые задействуется автором в игре с читателем, хотя и самым привилегированным. С учетом указанного гетероглосного контекста, характерного для жанра романа, оценка, реализуемая рассказчиком, в текстах Дж. Остин становится составной частью того, о чем повествуют другие – нежели голос рассказчика – голоса.

В этой связи, можно сказать, что рассказчик в художественных текстах Дж. Остин, ослабляя свое авторитарное проявление, дает возможность высказаться другим персонажам, чьи воззрения, в свою очередь, часто опровергаются разворачиваемыми в тексте событиями. В подобном контексте повествования для самого читателя не всегда оказывается возможным установить, кто из персонажей что оценивает, и почему осуществляется акт оценки.

Список литературы

1. **Александрова М. И.** Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект: дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2013. 166 с.
2. **Белозерова Н. И.** Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дисс. ... д. филол. н. Тюмень, 2001. 351 с.
3. **Колодина Н. И.** Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста (на материале русского и английского языков): дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2002. 304 с.
4. **Коглярова Т. Я.** Особенности построения читательской проекции художественного текста: дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2007. 188 с.
5. **Реуцкая Е. М.** Интерпретация литературного текста: эстетические основания: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2009. 23 с.
6. **Флягина Ю. В.** Литературное продолжение как предмет лингвопоэтического исследования: дисс. ... к. филол. н. М., 2000. 178 с.
7. **Щепина О. Н.** Семантика художественного пространства в романе Джейн Остин «Мэнсфилд-парк»: дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2001. 182 с.
8. **Austen J.** *Northanger Abbey*. L.: Penguin, 2005. 207 p.
9. **Gay P.** *Jane Austen and the Theatre*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
10. **Miller D. A.** *Narrative and Its Discontents. Problems of Close in the Traditional Novel*. Princeton – N.J.: Princeton University Press, 1981. 197 p.
11. **Paris B. J.** *Character and Conflict in Jane Austen's Novels: A Psychological Approach*. Brighton: The Harvester Press, 1979. 203 p.
12. **Patteson R. F.** Truth, Certitude, and Stability in Jane Austen's Fiction // *Philological Quarterly*. 1981. No. 60. P. 455-469.
13. **Southam B. C.** *Jane Austen: The Critical Heritage*. London: Routledge, 1987. Vol. 2. 1870-1940. 432 p.
14. **Thompson G., Hunston S.** *Evaluation: An Introduction // Evaluation in Text*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1-27.
15. **Toolan M.** *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. London – N. Y.: Routledge, 2001. 305 p.
16. **Wallace T. G.** *Jane Austen and Narrative Authority*. Basingstoke – London: Macmillan, 1995. 237 p.

IMAGE OF NARRATOR AS SOURCE OF VALUE ASSESSMENTS IN NOVELS BY JANE AUSTEN

Zemlyanaya Anna Sergeevna
Southern Federal University
annzem@yandex.ru

The image of a narrator is presented as the main source of assessment implementation within the framework of J. Austen's artistic text. Austen's narrator potentially, and in some cases clearly, is identified as a center of assessment meanings irradiation, however, narrator's assessments do not appear to the reader as a solid basis for the centripetal interpretation of events development. A narrator, respectively, explicitly or implicitly expresses his own evaluative view on the virtual world of the narration, represents the value system of a social-cultural community to which he belongs, and focuses the reader's attention to the textual space, entering into communicative relationships with it.

Key words and phrases: literary texts of Jane Austen; image of narrator; image of author; assessment; reader's interpretation of text.

УДК 81

Филологические науки

В настоящей статье представлен контрастивный анализ фразеологизмов с компонентом-числительным «семь / жиде» в русском и татарском языках, целью которого является исследование структурных особенностей, лексико-грамматических разрядов и различных модификаций фразеологизмов с единым числовым компонентом. В результате исследования впервые в русско-татарском сопоставительном языкознании определена частотность структурных типов нумерологических фразеологических единиц с единым компонентом «семь / жиде», выявлены все их лексико-грамматические разряды, обнаружены два основных типа варьирования (лексического и грамматического) с доминированием в русском языке лексических модификаций, а в татарском языке – грамматических.

Ключевые слова и фразы: фразеопарадигма; числительное; варьирование грамматическое; варьирование лексическое; фразеологизмы-словосочетания; фразеологизмы-предложения.

Ибрагимова Эльмира Рашитовна, к. филол. н., доцент
Сагитова Альфия Галеевна, к. филол. н., доцент
Казанский федеральный университет (филиал) в г. Елабуге
elmira915@mail.ru; sagitova55@list.ru

**ФРАЗЕОПАРАДИГМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «СЕМЬ / ЖИДЕ»
В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

Во всей нашей материалистической системе числа от одного до девяти являются основой, на которой строятся все остальные. «Важной задачей современной лингвистики является систематизация данных о роли и месте числительных в компонентных фразеопарадигмах» [4, с. 61]. Особую роль среди простых чисел играет семь, которое в течение столетий считалось числом таинств, относящихся к духовной стороне вещей. Неслучайно все семерки в Библии и других священных писаниях всегда относились к таинственной Божественной силе. О том, что данное число обладает особым значением, говорит и его широкое распространение в паремиологии разных языков, например, в русском только пословиц и поговорок с этим компонентом насчитывается не менее тридцати, а в татарском – еще больше [2].

Оно широко представлено и во фразеологии русского и татарского языков, что еще раз говорит о значимости данной единицы в языковой картине мира разных народов.

Цель нашего исследования – сопоставительный структурный анализ компонентных фразеопарадигм с единым элементом «семь / жиде» в русском и татарском языках. Собранный нами материал (29 русских ФЕ, в том числе с компонентом – количественным числительным – 22 единицы, с порядковым – 5 единиц, с собирательным – 3 единицы; 47 татарских ФЕ, в том числе с компонентом – количественным числительным – 45 единиц, с порядковым – 2 единицы) из различных источников [1; 3; 5; 6] позволяет сделать следующие выводы.

По структуре в обоих языках выделяются ФЕ-словосочетания (24 ФЕ в русском языке, 35 ФЕ – в татарском) и ФЕ-предложения (5 ФЕ в русском языке, 12 ФЕ – в татарском) со значительным преобладанием первых.

Наиболее частотными в составе фразеологизмов-словосочетаний в русском языке являются субстантивные ФЕ (10 единиц), в татарском – вербальные (18 единиц): *семь пятниц на неделе*, *семь смертных грехов* и т.д.; *жиде камыт кидеру 'надеть семь хомутов'* (Перевод данного и последующих фразеологизмов авторов статьи – И. Р., С. А.); *жиденче кат күктә булу 'быть на седьмом небе'* и т.д.